

ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ

ЧТО ЕЩЕ замечательно в сегодняшнем Олеге Табакове — он сохраняет самоиронию. В его положении — не так просто ее сохранить. Актеры вообще легко ранимы. И знаменитые (особенно в возрасте Табакова: ему пошел тридцатый третий год) — тем более. Правда, не редкость в артистическом мире горькая самоирония неудачников, за которой слышен шорох незримых слез. Но у Табакова, конечно же, другое — у него это скорее от достаточной уверенности в себе, от стиля поведения, найденного постепенно, но и не слишком постепенно — за десять лет его очень удачливой работы в Московском театре «Современник».

История «Современника» — и его, Табакова, история. (Хотя он снимался, и много снимался, и успешно снимался в кино). В других театрах Табаков не работал. Похоже, и не собирается. Ему хорошо в «Современнике». И хорошо — заслуженно.

Олег Ефремов, главный режиссер «Современника», оценивая актера положительно, обычно говорит: нужна театру краска. Исходя из такого принципа, про Табакова можно сказать — необходимая. Однако непременно добавить к этому, что и театр, где он работает, — именно та кисть, которая может максимально использовать

предложенную талантом Табакова краску. Очевидно, и в ином, в другом театре Олег Табаков был бы и ведущим, и популярным артистом. А не таким — то есть не менее знаменитым и главным, но в более традиционном, в более узко-профессиональном измерении и смысле.

Поэтому история «Современника» — и его личная, своя история. Судьба. В конце прошлого года артисту Олегу Табакову присудили Государственную премию СССР за участие в спектакле «Обыкновенная история».

— Ты рад? — спросил его знакомый журналист сразу после известия о присуждении. Табаков пожал плечами.

Нет, он не играет в скромность. Он таким же был и десять лет назад, когда любил говорить: «На моих часах, подаренных мне Всероссийским театральным обществом...» (Театральное общество наградило его за исполнение роли студента Трофимова в дипломном спектакле студии МХАТ «Вишневый сад» по пьесе Чехова).

Он играет не в скромность, он играет в большинство случаев ненаписанную никем роль: полумаску некоего поверхностного, легковесного, преуспевающего и потому довольно донельза собой

артиста из какого-то модного и не слишком серьезного театра. И при том слегка, ненавязчиво, полустрихом, полукивком в сторону посвященных, полунеком оттеняет свое истинное отношение к подобным благополучно-недалеким коллегам. (Носит очки при близорукости минус два, не более), всегда с элегантно папкой прилежного клерка (вид подчеркнута небогатый).

Тем не менее кто же больше, чем он, артист на все двадцать четыре часа в сутки? Мало кто так способен, как он, не уставать от профессии. Он умеет и оперного тенора спародировать, и выступить чуть позже на представительной конференции театральных деятелей в столь менторском ключе, что всеми уважаемая старая актриса воскликнет: «Смотрите, у него презрительный рот...».

Он из тех артистов, которых журналисты просто боготворят, — Табаков может и рассказать о себе подробно, и высказаться оригинально о смысле актерской профессии, и дискутировать на равных с театральным критиком о проблемах современной драматургии, и пошутить ровно столько, сколько нужно. Табаков пишет статьи, о нем издана солидная монография (в ней он официально называется выдающимся актером), его рассуждения охотно цити-

руются в толстых и тонких журналах.

Но Табаков не теряет самообладания. Табаков сохраняет самоиронию. Табаков не забывает: он актер — прежде всего интересен, как актер. Он с удовольствием играет в голубую звезду положительного персонажа, он легко меняет маски. Но все это — упражнение, тренинг, пробы, забавные черновики, отходы от ролей или заходы к роли.

Актер с головы до ног, актер всеми клетками. Актер, не выводящий себя из магнитного поля жизненных ситуаций — не важно: уже схваченных драматургией или еще не схваченных. В этом вот непрерывном желании примерить, преломить в своей пластике моментальные выражения, даже гримасы бегущего толпой пешехода дня, Табакова (по природе ощущения) можно в чем-то — пусть и не буквально — сравнить с великим психологом трансформации Аркадием Райкиным. Во всяком случае есть определенная закономерность, что в пьесе Василия Аксенова «Всегда в продаже» Табаков, а не кто иной, играет гротесковую женскую роль продавщицы Клавдии Ивановны и в развитии спектакля трижды трансформирует ее в аналогичные по сути, но нисколько не похожие один на другого муж-

КРАСКА И КИСТЬ

ские варианты образа.

Больше десяти лет назад, когда «Современник» начинался, когда не было у него помещения и самостоятельной финансовой основы, и первые спектакли релетировались основателями по ночам, и люди бледнели от бессонницы, Олег Табаков казался действующим лицом рекламного проспекта — свежий, бодрый, нарядный и молодой. Он и действительно был тогда самым молодым. И, кроме того, острее остальных испытывал тогда радости артистической жизни. Он тогда заканчивал школу при МХАТ, и профессора — корифеи из прославленного театра — обнадёживали его, предсказывали будущее. Он участвовал в создании нового театра. Он снялся в центральной роли в кино и знал, что будет сниматься еще. Замечу в скобках, что в кино он снимался еще и еще, и снимается, и будет... Почти каждый год — большие роли: «Саша вступает в жизнь», «Люди на мосту», «Накануне», «Шумный день», «Испытательный срок», «Чистое небо», «Молодо-зелено», «Живые и мертвые», «Строится мост», «Война и мир» — Николай Ростов. Он стал одним из наиболее любимых в стране киноактеров. Стал, впрочем, так пока и не сыграв почти ничего в ту силу, на которую способен. Кино чаще нужна ока-

зывалась его внешность. Театру же Табаков требовался целиком, со всеми достоинствами и слабостями, без остатка. Однако в том самом начале внешность Табакова, эффект его данных, безошибочность действия его артистического шарма были и «Современником» не смог в первом спектакле показать ансамбль своих лучших сил. Табаков — первый (за исключением, пожалуй, известного по работам в другом театре Ефремова), кого оценила и полюбила Москва в премьеру «Современника». Новый театр открылся пьесой Виктора Розова «В поисках радости». («Поисками», по существу, завершался ранний этап поисков драматургом Розовым характера юноши пятидесятых годов, стоящего перед выбором жизненного пути. Табаков сыграл главную роль смело и броско и сразу обратил на себя благожелательное внимание критики. Его выделили среди молодых актеров Москвы, с честью дебютировавших в тот сезон. Успех Олега Табакова был первым козырем «Современника». Первым номером прошел Табаков и в премьеру следующего сезона — «Продолжение легенды». Он играл роль, почти повторяющую предыдущую, но не повторил-

ся. И критика заговорила об открытии Табаковым характера молодого современника. И ведущее положение артиста в театре подтвердилось и укрепилось. Но строгие специалисты не торопились делать на Табакова серьезные ставки, хотя о нем весьма похвально отзывались авторитетные в театральном деле люди: Алексей Попов, Николай Охлопков. Специалисты не доверяли легкости побед, указывали на стечение счастливых обстоятельств. Резонно указывали на то, что из-за бедности репертуара не показали себя в полном блеске характерные актеры театра и что любовное использование великолепной фактуры Табакова ни о каких серьезных намерениях режиссуры не говорит.

Да, те, кто сомневался, во многом оказались правы. Последующие спектакли раскрыли огромные возможности Евстигнеева и Толмачевой, Волчек и Сергачева, Кваши и Порошиной, а позже и других. Не Табаковым единым. Но и Табаковым — непременно Табаковым, едва ли не во всех значительных работах театра. Да, последующие спектакли показали, что в театре есть талантливые люди и помимо Табакова, но они же и показали дополнительные художественные мощи Олега Табакова.

«Голый король», например. Ряд актеров играет в нем первоклассно. Табаков играет две сравнительно небольшие по объему роли. Пьяного дирижера — очень остро, очень смешно, очень грустно: человек искусства, потерявший себя в житейских невзгодах, но сохранивший иронию и к себе, и к тем, кто унижает его и его искусство. Какая-то лирическая карикатура. И в том же спектакле — повар. В сходной ситуации. Вариация той же темы — индивидуальность вынуждена просить прощения у стайдарт. И отдаляясь от буквальности видимой аналогии, Табаков неожиданно подходит к философии темы вплотную — расщепляет карикатуру, превращает ее в мультипликацию оттенков, оборачивает превеличание конкретностью. Алексей Баталов после спектакля сказал про роль повара: «Лучше не сыграешь. И не надо лучше».

Роман И. Гончарова «Обыкновенная история», написанный более столетия назад, инсценировал Виктор Розов. «Современник» возможности Евстигнеева и Толмачевой, Волчек и Сергачева, Кваши и Порошиной, а позже и других. Не Табаковым единым. Но и Табаковым — непременно Табаковым, едва ли не во всех значительных работах театра. Да, последующие спектакли показали, что в театре есть талантливые люди и помимо Табакова, но они же и показали дополнительные художественные мощи Олега Табакова.

Здесь трудно формулировать со всей определенностью — исследуемый процесс не завершен. Очевидно одно — первый вечер на сцене «Современника», вечер, когда аплодировали драматургу Розову, аплодировали Табакову, не ушел в небытие, в экс-

позицию фотографий десятилетней давности. Эскиз того, давнего (по театральным понятиям) спектакля кажется сегодня трогательным, но, разумеется, и наивным. Ничего страшного — для того и пробы, чтобы увидеть перспективу, прикинуть расстояние до цели. Меткому выстрелу обязательно предшествует верность взгляда.

Роль Александра Адуева в «Обыкновенной истории» играет Олег Табаков. Опять хвалят Табакова, опять выделяют Табакова. Опять, как и тогда, в начале. Олег Табаков прикрепляет к лацкану пиджака лауреатский значок. И никто из строгих специалистов не удивляется — правильно, заслужил. Никто не удивляется...

А конфликт? Что не удавалось Олегу Табакову? Все удавалось? Ах, так? Ну раз нет конфликта — и не надо. Счастливая судьба. Счастливые судьбы в искусстве похожи, в общем, друг на друга. Кисть находит краску, краска раскрывает свой цвет кисти — до чего просто.

Ему легко живется, Табакову. Вот только за каждый спектакль «Обыкновенная история» он теряет в весе полтора килограмма (а впечатление человека толстого он не производит). И еще инфаркт перенес (а человек он, говоря, соблюдающий режим, излишеств избегающий). Интересно, отчего?

А в остальном — все понятно и просто. А. НИЛИН. (АПН)

МОСКОВСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР

27 ИЮН 1996